

Екатерина Мурашова

Кто последний? – Мы за вами!

Екатерина Мурашова

Кто последний? – Мы за вами!

«Автор»

Мурашова Е. В.

Кто последний? – Мы за вами! / Е. В. Мурашова — «Автор»,

Люди наконец достигли долгой, счастливой и здоровой жизни. Но, достигнув всего этого, они вроде бы вымирают... Большинство людей сложившееся положение вполне устраивает. Впрочем, не всех. Да еще кажется, что кто-то идет нам на смену... В центре сюжета – история женщины Вельды, которая вопреки всему родила ребенка, которого ни в коем случае не должна была рожать...

© Мурашова Е. В.

© Автор

Содержание

Екатерина Мурашова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Екатерина Мурашова Кто последний? Мы – за вами!

Как, с чего начать

Мою историю? Чтоб вновь не повторять

Слова знакомые? Вновь людям дать понять —

Рассказ мой искренен, мне нечего скрывать...

С чего начать?

*(Полулюбительский перевод старого шлягера из кинофильма
«История любви»)*

Душно. Душно. Душно. Как будто где-то внутри что-то созрело и вот-вот взорвется, вылезет наружу. Нет, вылезет – это неправильно. Явится... Опять не так, надо без сокращений, еще полнее, в архаическом, исконном варианте – ЯВИТ СЕБЯ. Явит себя. Кому? Не мне, не только мне – миру. Странное ощущение, в чем-то – повод для гордыни, в чем-то – унижение. Ты – сосуд, взрастивший нечто, тебя превосходящее, и по опорожнении будешь отброшена в сторону... Этого никогда не понять мужчине или нерожавшей женщине. Но я не жду ребенка. Что же со мной?

Вельда Каннигер, стройная высокорослая блондинка 28 лет отроду, с кротким и оттого глуповатым лицом, сидела за столом в своей комнате, упершись лбом в сжатые кулаки, и тихо, но безутешно плакала.

Впервые в жизни ей нужно было совершенно самостоятельно принять важное решение. Все возможные советы были выслушаны и отвергнуты накануне. Она осталась одна, если не считать большой цветной фотографии Кларка, которая стояла перед ней на столе. На фотографии Кларк смеялся, широко разевая белозубый рот, и бирюзовая морская волна нежно лизала его стройные смуглые ноги. Снимок был сделан за полгода до гибели Кларка.

Когда ей сказали, что Кларка больше нет, она не поверила, и не верила еще целых три дня, пока своими глазами не увидела его в гробу. У него была полностью раздавлена грудная клетка, но лицо осталось совершенно нетронутым. Грудь закрывало пышное, накрахмаленное жабо, и ей все еще казалось, что это такая глупая шутка, и Кларк сейчас откроет глаза, рассмеется, вскочит, обнимет ее и закружит по этому идиотскому залу, где так много белых цветов, липкой музыки и людей с дурацкими постными лицами, которые они как будто взяли где-то напрокат и второпях перепутали размер, и теперь одним из них давит в скулах и не помещается нос, а у других лицо все время норовит сползти, и им приходится то и дело поправлять его пальцем у переносицы. Все удивлялись тому, что она не плачет и вообще ничего не говорит, а она почему-то думала о том, что обидит Кларка, если так легко поверит в его смерть, так легко и привычно, со слезами и причитаниями, отпустит его. Ей казалось, что заплакав о нем, она предаст Кларка. И она молчала.

Дома, после церемонии, она взглянула на их широкую постель с лиловым вышитым покрывалом и внезапно поняла, что никогда уже не ляжет в нее с Кларком, никогда они не будут перетягивать друг у друга одеяло и, укрывшись с головой, играть в пещерных людей. Никогда губы Кларка не коснутся ее волос, и нет больше теплой груди и нежных объятий, в которых можно спрятаться от дурного сна. Все кончилось разом и навсегда.

Не издав ни звука, Вельда провалилась в мягкую темноту и отдыхала в ней до утра, когда подруга пришла проведать ее и, обнаружив молодую вдову на коврике возле кровати, испугалась до полусмерти и вызвала медицинский вертолет.

С тех пор прошло два месяца, и сейчас она в одиночку должна решить судьбу их с Кларком ребенка. Сына, о самом существовании которого Кларк так и не успел узнать.

Позавчера были закончены все обследования. Врач, проводивший заключительное собеседование, знал о постигшем ее горе и был предельно корректен. По окончании обсуждения он предложил ей консультацию психолога, но Вельда отказалась. Возможно, психолог еще понадобится ей, потом, если она решит...

Внешность Вельды часто обманывала окружающих. Она вовсе не была глупа и с самого начала понимала, что все витиеватые сочувственные слова медика и его понимающие взоры являются всего лишь красивой оберткой для горькой пилюли. Индекс жизнеспособности будущего малыша насчитывал всего лишь 47 единиц. Зоной риска эскулапы назвали мочеполовую и кроветворную системы. Что такое кроветворная система? Вот уже второй день Вельда не могла этого вспомнить. Конечно, можно было спросить у врача, но там Вельда притворялась, что понимает абсолютно все, суеверно полагая, что чем меньше окончательных слов будет произнесено, тем больше шансов останется у ее нерожденного ребенка. Кто хоть раз не обманывал себя таким образом?

Если бы Кларк был жив, он мучал бы и утешал ее всю ночь, а наутро проводил в больницу, и еще через два дня они забыли бы об огорчительном эпизоде. Оба они были еще молоды, здоровы и красивы, их собственные индексы были 78 у Кларка и 80 у Вельды, а максимальный индекс жизнеспособности, который напророчила умная обследовательская машина их будущим детям, и вовсе равнялся 87, на целых 13 единиц больше среднепопуляционного показателя... Стоит ли придавать значение неудачной попытке? Если бы Кларк был жив...

Но Кларка нет, и Вельде никогда не родить от него великолепного ребенка с восьмьюдесятью семью единицами жизнеспособности. Единственный шанс – это тот малыш, который сейчас живет в ней и обладает жизнеспособностью почти в половину меньшей... Как же ей поступить?

– Кларк! Что мне делать?! Помоги мне! Это же и твой сын! – Кларк на фотографии продолжал беззаботно смеяться, но Вельда уже знала ответ. Она знала Кларка. Она словно слышала его мелодичный, звенящий голос, который всегда казался ей похожим на голос бегущей по камням горной речушки:

– Брось, дорогая, не мучай себя! Зачем тебе это надо? Чертовски обидно, что все так получилось, но зачем ломать себе жизнь! Если тебе так уж нужны дети, так родишь от кого-нибудь потом, когда придешь в себя. Можешь назвать его Кларком. Ха-ха-ха! Здорово я придумал?...

Некрасиво оскалившись, Вельда снова уронила голову на сложенные руки. Нет, даже Кларк ничем не может помочь ей. Она должна решить сама.

– Я вполне понимаю ваши чувства, – вспомнился вкрадчивый обволакивающий голос врача. – Сейчас скорбь по столь безвременному ушедшему мужу может помешать вам принять всесторонне взвешенное решение. Но я, со своей стороны, обязан оказать вам всемерную поддержку в рассмотрении всех аспектов создавшегося положения... – Вельде казалось, что она запутывается в словах, вязнет в них, как муха в паутине. – Вы должны отдавать себе отчет в том, что решившись ввести в мир ребенка со столь низким индексом Мишина-Берга, вы не только существенно усложните свою жизнь, но и обречете своего сына на совершенно незаслуженные страдания. Вполне вероятно, что он будет умным, во всех отношениях достойным человеком. Каково ему будет жить с мыслью, что его физические возможности куда ниже сверстников, продолжительность жизни заведомо меньше, а женщина, которую он полюбит, скорее всего, не захочет иметь от него детей...

– Скажите... А эта машина не может...ну... ошибаться? – с трудом выдавила из себя Вельда.

– Увы! – медик грустно улыбнулся и развел в стороны руки с аккуратно подстриженными овальными ногтями. – Медицина обладает абсолютной статистикой за все 360 лет применения индекса Мишина-Берга. Конечно, за исключением тех случаев, когда индивид, в силу несчаст-

ливых обстоятельств, просто не доживал до своей биологической старости и смерти... Простите, – врач склонил голову, извиняясь за вынужденную бестактность. – Должен вас разочаровать, за всю историю было всего 3 или четыре случая ошибочных прогнозов, но во всех них присутствуют усложняющие моменты, которых в вашем случае нет.

– Хорошо. Я поняла вас. Я буду думать.

– Прошу вас, будьте мудры, – в голосе врача появились почти молитвенные нотки. – Взвесьте каждую мелочь, прежде чем примете окончательное решение. И помните: печальные обстоятельства сложились так, что вам приходится решать за троих...

За троих... Из которых один мертв, а другой еще жив, но мир всеми своими законами и уложениями уже фактически приговорил его к смерти. И третий, она – Вельда. Тот, кто принимает решение.

Никто из подруг не понимает ее. Считают, что она слегка повредила в уме от горя. Мать связалась с отцом, с которым до этого не виделась лет десять, и после «семейного совета» родители порекомендовали дочери обратиться к аналитику или хотя бы пройти групповую психотерапию. Может быть, все они правы, и с ней правда не все в порядке?

В их городке есть много женщин, которые, узнав о том, что им никогда не родить ребенка с индексом больше 60 единиц, вздыхали с облегчением.

– Вот и славно! – говорила Вельде одна из них. – Можно хоть пожить в свое удовольствие. Правильно по визору говорят – у каждого есть выбор, зачем плодить уродов? И ничего над тобой не висит, никаких долгов перед обществом...

– Но твой муж... – кротко возражала Вельда (они с Кларком еще перед свадьбой договорились о том, что у них будет двое детей – мальчик и девочка. Кларк ничуть не возражал и любил на досуге придумывать им диковинные имена).

– А что муж? Пока что ему это тоже только помеха, но если потом захочет, так всегда же можно найти какую-нибудь дуру с высоким индексом, озабоченную своей репродуктивной функцией. Мой Рэд – мужчина красноречивый и сексуальный. Да и я не прочь воспитать на старости лет заведомо здорового ребенка. Чтобы никаких проблем...

Никаких проблем... Синди Веймахер родила ребенка, когда ей было уже 50. Врачи предупреждали ее, но она твердила, что это ее последний шанс. Сейчас Тому пять лет, он только что научился говорить, и до сих пор пишет в кровать. Два раза в неделю у него бывают припадки, и Синди сама делает ему уколы, потому что вертолет не может так часто летать к ней одной. Вельда вместе с подругами осуждала Синди и жалела ее. Ну зачем было рожать этого ребенка, если известно, что...

Когда Вельда была маленькой, в их городке жило больше народу. Или ей только кажется? Она давно хотела узнать наверняка, но все не могла сообразить, у кого и как. Но если это правда, то куда же они делись? Может быть, уехали? Тогда где-то в другом месте народу стало больше... А где это другое место? Когда-то в школе им рассказывали о том, что раньше на земле было так много людей, что они попросту не могли поместиться на ней и оттого вели непрерывные войны, убивая друг друга... Страшно даже подумать о том, какие те люди были глупые и жестокие. Ведь чтобы людей стало меньше, надо не убивать их, а просто рожать меньше детей. Хорошо, что люди додумались до этого раньше, чем перебили друг друга и окончательно отравили землю. Теперь-то все хорошо... Но все-таки, сколько народу жило в городке, когда Вельда была маленькой? Больше или столько же?

– Я готова думать о чем угодно, лишь бы не думать о том решении, которое мне надо принять, – сказала Вельда сама себе и кулаком вытерла глаза. – Нужно быть честной перед самой собой. Кларк всегда говорил так. А он был гораздо умнее меня, – предательская слеза снова поползла к кончику опущенного носа. – Теперь я должна быть честной и умной. Ради него.

Послышалась мелодичная трель дверного звонка.

– Входите! – Вельда нажала кнопку рядом со столом, за которым сидела. – Кто еще там? – заранее раздражаясь, она прислушивалась к легким шагам в коридоре.

На пороге стоял незнакомый Вельде мужчина.

– Прошу прощения за беспокойство...

Синие, опухшие от слез глаза Вельды вновь расширились от изумления. Человек, с которым она незнакома, пришел в ее дом, не предупредив об этом заранее! Грабитель? Сумасшедший? Заезжий рекламный агент?

Ничего не отвечая, Вельда внимательно разглядывала незнакомца. Он был также строен и красив, как и все мужчины городка. Черные волосы, глаза, брови. Пожалуй, рост несколько меньше, чем следовало бы, и какая-то хрупкость в сложении... А лицо наоборот – суровое, жесткое, хотя и смягченное сейчас извиняющейся улыбкой. Лицо умного человека... Вельда поежилась:

– Что вам нужно?

– Я хотел бы поговорить с вами...

– Давайте перенесем наш разговор на другое время. Сейчас я должна решить одну важную проблему, касающуюся только меня...

– Я буду говорить с вами именно об этой проблеме.

– Что?!!

– Речь идет о судьбе вашего нерожденного ребенка – не так ли?

Вельда подскочила на стуле. Незнакомец сделал успокаивающий жест, решив, что она испугалась, но, как и многие другие, неправильно истолковал ее реакцию. Вельда разозлилась. И наконец-то получила объект, на который могла выплеснуть свою злобу и накопившееся раздражение:

– Какое ваше дело?! – закричала она, вскакивая и отшвыривая в сторону стул. – Какое вам всем дело до меня и моего ребенка! Какое право вы вообще имели прийти сюда?! Убирайтесь отсюда! Убирайтесь немедленно, и передайте тем, кто вас сюда подослал, что если я решу оставить ребенка, то никто не сможет мне помешать. Вы слышали?! Убирайтесь!

– Помилуйте! – незнакомец шутливо поднял руку, словно заслоняясь от вельдиного гнева, и мимоходом стер со своего лица капельки слюней – следы этого самого гнева. – Вы несправедливы ко мне – ведь я-то как раз собирался уговаривать вас ОСТАВИТЬ ребенка.

– Что?! – Вельда остыла разом, как кипящий суп в жидком азоте. Лицо ее снова приобрело обычное глуповато-добродушное выражение. – Оставить? А почему? И вообще – кто вы такой?

– Меня зовут Анри. Анри Левин, к вашим услугам.

– А почему я вас раньше никогда здесь не видела?

– Наверное, потому, – Анри пожал плечами. – Что я раньше здесь никогда не был.

Годится?

– И зачем же вы теперь здесь появились?

– Ради вас, мадам, только ради вас... – Анри отступил на шаг и церемонно поклонился.

Вельда почувствовала, что у нее кружится голова. Наверное, это от беременности, – решила она, и еще оттого, что я много плакала. В странной манере речи Анри тоже было что-то вязкое, но сравнение с мухой и паутиной в голову Вельды не возвращалось. Усилием воли Вельда вернула себя к действительности.

– Вы сказали, что хотите просить меня оставить ребенка, – тоном школьника, повторяющего урок, произнесла Вельда. Анри молча кивнул. – Зачем вам это нужно? И откуда вы вообще меня знаете?

– Если вы сообразовите дать согласие на мое предложение, я отвечу на все ваши вопросы.

– Соболаговую – чего? – спросила вконец отупевшая от переживаний и удивления Вельда, подтянула к себе стул и с особенной, ни с чем не сравнимой грацией беременной женщины, отвечающей за благополучие сразу двух существ, опустила на него. Анри остался стоять. – Чего вы от меня хотите?

– Я хочу видеть вас своей единомышленницей, я хочу слышать ваш голос, я хочу угостить бананом вашего сына... – в черных глазах Анри плавала насмешка, но само лицо оставалось устрашающе серьезным. Перед глазами у Вельды все поплыло, она широко растопырила пальцы и оперлась обеими ладонями о стол, чтобы не завалиться набок. Анри упруго шагнул к ней. – Простите меня. Я веду себя недопустимо легкомысленно. Вопрос слишком серьезен и я хотел смягчить его долей иронии. Мою затею следует признать бестактной. Чем я могу помочь вам? Может быть, массаж? Не бойтесь, я владею этим навыком на уровне профессионала...

Анри аккуратно, но сильно разминал мышцы шеи, плеч, а Вельда мимоходом удивилась тому, какие горячие у него руки. Может быть, у него жар, и он все-таки – сумасшедший? – вяло и почти бессвязно подумала она. Массаж явно приносил облегчение, и минут через десять молодая женщина снова смотрела на Анри ясными синими глазами.

– Теперь вы будете разговаривать со мной? – улыбнулся Анри. – Или снова попытаетесь вышвырнуть меня отсюда?

– Я буду разговаривать, – согласилась Вельда. – Только, знаете, я не очень умна, и не могли бы вы... ну... говорить попроще? Так, чтобы я смогла понять.

– Обещаю, вы все поймете, – серьезно сказал Анри.

– Может быть, вы сядете? – Вельда устало покосилась на опрокинутый стул.

– Спасибо, вы очень любезны, – Анри перевернул стул и устроился прямо напротив Вельды. Ее внимание снова привлекли его руки – смуглые, тонкие, непрерывно шевелящиеся, с длинными пальцами и отчетливо просматривающимися синими венами. – Прежде, чем я начну отвечать на ваши вопросы, я сам хотел бы получить ответ. Правда, всего на один вопрос. Решили ли вы судьбу вашего ребенка?

– Я не знаю, – Вельда крепилась изо всех сил, но слезы снова потекли по ее щекам. – Все говорят – не надо, а мне так хотелось бы... это все, что осталось от Кларка... А теперь еще вы... Я ничего не знаю! – она снова уронила голову на стол.

– Бедная девочка! – прошептал Анри, сжимая и разжимая кулаки. – Не плачьте, Вельда! – сказал он вслух. – Сейчас я расскажу вам сказку. Слушайте меня. Это грустная и местами даже страшная сказка. Но может быть, благодаря нам с вами у нее будет счастливый конец. Слушайте, Вельда! – его последние слова прозвучали как приказ, и слезы на щеках молодой женщины высохли почти мгновенно.

– Давным-давно жили на земле многие миллиарды людей. Всем им чего-нибудь не хватало. Кому еды, кому питья, кому одежды, кому здоровья. Тем, у кого все это было, часто не хватало любви, или славы, или денег, или просто счастья. Люди все время переделывали свой мир, рассчитывая на то, что после переделки он станет лучше. Они изобретали новые машины, дома, пищу, одежду, политические системы, зубные щетки, оружие, но почему-то счастья в мире не прибавлялось, и люди всегда были недовольны.

Тогда сразу в нескольких странах тогдашнего мира решили, что причина вечного человеческого недовольства лежит в самой биологической природе человека. И взялись за природу. Выделили на исследования огромные деньги, создали все условия ученым. В закрытых от всех лабораториях проводились просто-таки невероятные эксперименты. Но природа не сдавалась и каждая попытка изменить человека приводила не к лучшему, а к худшему результату. Спустя некоторое время всем стало ясно, что исправить человека, оставив его человеком, практически невозможно.

Приблизительно в это время по разные стороны океана, в двух засекреченных лабораториях работали Михаил Мишин и Иоганн Берг...

– А я думала, они работали вместе, – не выдержала Вельда. – По-моему, нам так в школе говорили...

– Нет, Вельда, они даже не подозревали о существовании друг друга. Но мысли их текли сходными путями. Они думали о том, что если нельзя усовершенствовать человека, то можно по крайней мере приблизить его к наиболее ценным образцам, созданным самой природой. Обоими ими владела мысль, что здоровый, красивый и сильный человек все же в среднем счастливее слабого, уродливого и больного. При этом я хотел бы отметить для вас (наверняка вы не проходили этого в школе), что Михаил Мишин с детства был почти глухим, а Иоганн Берг в молодости перенес операцию по поводу рака кишечника и имел выведенную наружу кишку...

В то время те образцы, на которые ориентировались Мишин и Берг, можно было увидеть повсюду. Они смотрели на людей с рекламных стендов на стенах домов, они рекламировали зубные щетки и новые машины в телевизионных программах, их лица улыбались вам с упаковки любого товара, они любили и ненавидели друг друга в видеофильмах. Это были красивые, здоровые люди, с ровными зубами и гладкой кожей. У них были яркие глаза, полные губы и движения, полные сексуальной привлекательности. Они были очень похожи на сегодняшних людей, которых мы видим вокруг себя.

– Анри, вы говорите об этом так, словно кого-то осуждаете, – заметила Вельда, с интересом прислушивающаяся к рассказу. – Но что плохого можно найти в красоте и здоровье?

– Красота и здоровье сами по себе прекрасны. Но слышали ли вы когда-нибудь поговорку о том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке? Нет? Тогда слушайте дальше.

И Мишин, и Берг были выдающимися учеными своего времени. Каждый из них сумел осмыслить и привести в систему огромное количество сведений и методов, полученных и разработанных их предшественниками и коллегами. На основании проделанного ими анализа и была разработана система пренатальной диагностики, известная сейчас как индекс Мишина-Берга.

– И что же, они так никогда и не встретились? – спросила Вельда, проникнувшись вдруг сентиментальной жалостью к давно ушедшим ученым.

– Рак сгубил Берга, когда ему едва исполнилось 50. Михаил Мишин, наоборот, прожил очень долго, и в конце жизни узнал о работах Иоганна. Объединенный тест в своей основе принадлежит Мишину, поэтому его имя стоит на первом месте. В дальнейшем в процедуру, разработанную Мишиным и Бергом, были внесены лишь незначительные, непринципиальные изменения.

– И что же – все сразу стали рожать только здоровых детей?

– Нет, что вы, Вельда! Это было бы слишком просто, – Анри рассмеялся странным, невеселым смехом. Вельде снова стало не по себе – никто из ее знакомых никогда ТАК не смеялся. – Поначалу на разработку ученых никто не обратил внимания. Она была «на ура» принята ученым миром и вполне могла заплесневеть в лабораторных архивах, как и многие другие, но... Вы же наверняка помните то, чему вас учили в школе. На земле того времени свирепствовало сразу несколько кризисов: демографический, экологический, генетический, политический – можно устать от одного перечисления...

– Простите, Анри, – робко вмешалась Вельда. – Но я многое забыла. Экологический и демографический – это я помню, это связано с природой и с тем, что было слишком много людей...

– Медицина того времени достигла больших успехов. Она не столько делала людей здоровыми, сколько сохраняла жизнь и относительную дееспособность больным. Больные люди жили и рожали больных детей. Эти дети должны были бы погибнуть, но медицина помогала им выжить. Постепенно болезненные мутации, которые не уничтожались больше естественным

отбором, накапливались в генофонде человечества. В мире оставалось очень мало практически здоровых людей... Это и был генетический кризис.

– А политический?

– Демократия была признана самой совершенной формой правления, но в условиях жуткой перенаселенности она не могла справиться со стремлением людей к «справедливому», как им казалось, перераспределению благ. Это происходило ежедневно на улицах больших городов, и то и дело в масштабах стран, народов, наций, республик. Возникающие режимы часто восстанавливали бытовую законность и обеспечивали личную безопасность своих граждан, но постепенно, в силу закономерностей собственного развития, становились все более агрессивными и стремились разрешить внутренние противоречия путем внешней войны... Это и был кризис политический.

– Ужасно! – Вельда прижала ладони к щекам. – Как хорошо, что все это уже в прошлом и никогда не вернется...

– Да, ЭТО в прошлом... – подтвердил Анри, голосом подчеркнув слово «это».

Вельда не среагировала на его посыл и закивала головой.

– Да, да, хорошо. Рассказывайте дальше, Анри. Я слушаю вас.

– Хорошо, я продолжаю... Сами понимаете, что в этих условиях годилось любое средство, сулящее хоть какой-нибудь выход. Так вот, правительство одной из стран как утопающий за соломинку ухватилось за программу пренатальной диагностики. Главной сложностью на пути ее реализации были обстоятельства сугубо психологические. За много тысяч лет люди привыкли рожать сколько хотели и кого хотели, и поначалу просто не обращали никакого внимания на телевизионные и прочие призывы. Но специалисты по рекламе не унывали и не давали унывать руководителям программы (сами понимаете – им платили за это большие деньги и они вовсе не хотели лишиться этого источника доходов). – «Еще 150 лет назад никто не думал о зубных щетках, – писали эти специалисты в своих докладах. – А сегодня миллиарды людей каждый день чистят зубы, и озабочены выбором зубной пасты. Наша рекламная компания непременно сработает. Надо только набраться терпения и немного подождать.» Им верили, потому что надо же во что-то верить, и реализация программы продолжалась.

Ежедневно по многу раз по телевизору показывали счастливые пары, которые родили своих прекрасных, абсолютно здоровых детей, сообразуясь с индексом Мишина-Берга. Адреса открытых повсюду консультаций печатали на пакетах из-под молока и забрасывали в почтовые ящики. Обратившимся в консультацию дарили памятные подарки. Также часто, как семейное счастье «проиндексированных» пар, показывали ужасную судьбу семей, которые, вовремя не проконсультировавшись со специалистами, ввели в мир больного или умственно неполноценного ребенка. В своей отчаянной борьбе правительство этой страны (кажется, это была родная страна Михаила Мишина) не гнушалось ничем. Для телевизионщиков были открыты закрытые для всех психоневрологические интернаты, где влачили свое существование генетические отбросы человеческого рода. Ужасающие картины выплеснулись на экраны, и все это в правильной последовательности чередовалось с льющим через край счастьем здоровых и прекрасных теледив и телеменов, со второй или с третьей попытки родивших абсолютно здорового ребенка. Огромный, сулящий неземное блаженство индекс был написан на сверкающей медали, висящей на шее малыша, и дразнил прильнувших к экранам телезрителей своей доступностью. – «Вам нужно только прийти и выбрать!» – этот лозунг средний человек того времени видел и слышал приблизительно 100 раз в день.

Только один индекс никогда и нигде не был обнаружен. Массовое обследование и статистическая экстраполяция позволили установить, что средний индекс жизнеспособности населения той страны (и эти показатели несущественно отличались от показателей других стран) равнялся всего лишь 29 единицам из 100 возможных. Так сколько же людей могли родить действительно здорового ребенка?

– Бедные! Бедные! – со слезами на глазах воскликнула Вельда. Собственное несчастье уже казалось ей мелким и несущественным по сравнению с ужасными картинами, которые рисовал перед ней низкий, негромкий голос Анри. – И что же они сделали?

– Страну захлестнула массовая истерия. Врачи и психологи работали так, как наверное не работали никогда со времен эпидемий оспы, чумы и холеры. Люди осаждали генетические консультации и требовали безусловно благоприятных прогнозов. Низкие показатели собственной жизнеспособности скрывали от родных и знакомых. Многие женщины, узнав о том, что им никогда не родить здорового ребенка, кончали жизнь самоубийством. Распадались браки. Скачком усовершенствовалась техника абортот. Теперь они превратились в действительно безболезненную, практически безопасную процедуру. Многие люди, обследовав своих малолетних детей, и узнав об их устрашающе низкой жизнеспособности, впадали в тяжелейшую депрессию. Участились случаи отказов от детей. Медики крупнейших городов вышли на беспрецедентную в истории земли демонстрацию протеста. Они шли в белых халатах и белых шапках с нашитыми на них красными крестами. В руках они несли транспаранты с лозунгами: «За Жизнь и Гуманизм!», «За счастье ЖИВУЩИХ!», «Остановить рекламную истерию!»

Правительство вняло предупреждениям и слегка повернуло колесо компании. С домашних экранов исчезли несчастные семьи и психоневрологические интернаты. В рекламных текстах ненавязчиво возникла и прочно поселилась мысль о том, что тот, кто не может родить подлинно здорового ребенка, вовсе не обязан его рожать, а вполне может пожить в свое удовольствие, возложив почетную, но весьма тяжелую обязанность продолжения рода на тех, кто действительно может справиться с ней наилучшим образом. – «Кто-то должен украшать нашу жизнь, – говорила одна из таких реклам, и зрителю показывали художника, стоящего у мольберта, и миловидную девушку, рисующую вензельки на упаковке для мыла. – Но это должен быть тот, кто действительно умеет это делать. А мы можем просто порадоваться.» – Далее на экране возникал светлый зал, где люди, прогуливаясь, любуются картинами художника, и ужасно сексуальная молодая женщина под душем, вскрывающая мыльную упаковку...

Все это действовало. Разумеется, несмотря на все, оставались люди, которые рожали детей тогда, когда им вздумается, и ни разу в жизни близко не подходили к генетической консультации. Но в целом ситуация продвигалась в запланированном направлении. Проще всего было бы обозначить это так: стало не обязательно, но МОДНО иметь ребенка, рожденного с учетом максимального значения индекса Мишина-Берга. – «Знаешь, – говорила одна молодая мамаша другой. – Индекс Павла всего 54, но это максимум, на что могли рассчитывать мы с Борисом. Я считаю, что нам и так крупно повезло. Ведь мне уже 35... Вот Ирина... мне так жаль ее... У нее самой вполне приличный индекс – 51, а у мужа всего 27, а она так хочет детей... совершенно не знаю, как я поступила бы в такой ситуации... Хорошо, что у нас с Борисом индексы почти равны и у Павлуши все в порядке...»

Другие страны не остались глухи к происходящему. Учтя все ошибки и сложности, которые пришлось преодолеть стране-пионеру, они построили свои компании умнее и осторожнее, и обошлись меньшими потерями.

– Значит, в других странах люди меньше страдали при переходе к нормальному образу жизни?

– Вы замечательно ставите вопрос, Вельда, – усмехнулся Анри. – Я отвечу на него, но чуть позже. Наверное, в школе вы были прилежной ученицей...

– Да! – с некоторым вызовом подтвердила Вельда. Скрытая в голосе Анри насмешка тревожила ее. – А что, по-вашему быть прилежной ученицей – плохо?

– Что вы! Помилуйте! Это прекрасно! – Анри шутливо поднял руки в жесте полной и окончательной капитуляции. – На прилежных ученицах и учениках держится наш мир... Вы позволите продолжать?

– Продолжайте! – вздохнула Вельда. – Хотя, знаете, у меня такое впечатление, что, что бы я ни сказала, вы все равно отсюда никуда не уйдете... – На этот раз Анри засмеялся вполне искренне:

– Простите меня, милая Вельда! И поверьте: я вовсе не попусту злоупотребляю вашим драгоценным временем. Мне искренне жаль, что я вынужден был нарушить ваше уединение и вмешаться в вашу частную жизнь, койе вмешательство...

– Да говорите же толком! – воскликнула Вельда. Несмотря на ее интерес к рассказу, Анри снова начинал действовать ей на нервы.

– Спешу, спешу... Несмотря на все страдания, идея пренатальной диагностики продолжала свое триумфальное шествие по планете. В ней оказалось множество выгод, не сразу отмеченных даже самими создателями. Во-первых, каждая женщина рожала максимально здоровых детей из числа тех беременностей, которые были отпущены ей природой. Здоровье человечества впервые за многие годы начало улучшаться. Практически перестали рождаться дети с грубыми генетическими, соматическими или обменными нарушениями. Это сделало ненужными многие социальные программы, а освободившиеся деньги были пущены в основном на развитие досуга. Во-вторых или в-третьих, из-за того, что женщины перестали рожать «немодных» детей с низким индексом жизнеспособности, детей стало попросту меньше, что, в свою очередь, буквально за два поколения позволило снизить до приемлемых размеров остроту демографической ситуации.

Жизнь постепенно становилась похожей на осуществленные сны Мишина и Берга: по улицам бывших мегаполисов ходили красивые, здоровые, длиннogie люди с прекрасным цветом лица и хорошим аппетитом. Даже их агрессивность, хотя и не исчезла совсем, но в значительной степени снизилась, поскольку еще из зоопсихологии известно, что возрастание и убывание агрессивности напрямую связано с удельной плотностью популяции на данной территории...

– Анри! – не выдержала Вельда. – Вы говорите так, как будто вам почему-то не нравится то, что люди наконец-то стали здоровы и счастливы. Я вас не понимаю!

– Простите меня, Вельда! – грустно улыбнулся Анри. – Иногда я сам не понимаю себя... А вам знакомо это чувство? – Молодая женщина затрясла головой, словно отгоняя назойливое насекомое. Анри продолжал свой рассказ, еще понизив голос и не гася улыбки. Вельда вынуждена была прислушиваться, чтобы разобрать его слова. – Давно известно, что за все в этом мире надо платить. Некоторое время людям казалось, что за воцарившееся на земле спокойствие ничем платить не придется. Появилась даже религия, последователи которой называли себя Детьми Искупления, и проповедовали, что наступившее блаженство послано человечеству в награду за перенесенные на протяжении предыдущих тысячелетий страдания. Основной задачей приверженцев этой конфессии была неустанная благодарственная молитва к Богу, призревшему, наконец-то, своих грешных детей. Если я не ошибаюсь, Мишин и Берг были признаны пророками этой религии.

Но истина не может долго скрываться от жаждущих ее. Вскоре ученым стал ясен размер платы. Самые здоровые, красивые люди с высочайшим индексом жизнеспособности практически не обладали тем, что принято называть творческим потенциалом. Они могли жить здоровой и счастливой жизнью, но не могли изменять ее. То есть фактически снова превратились в животных, которые, как известно, могут приспосабливаться к среде, но практически не могут эту среду изменять.

– Анри! Вы говорите страшные вещи. Я чувствую, что вы где-то ошибаетесь, но не могу сообразить, где именно... Люди, которые живут в мире сегодня, вовсе не похожи на животных... Или вы еще не все рассказали мне?

– Увы, милая Вельда! Увы! Я рассказал практически все, осталось немного.

Разумеется, вы неправильно поняли меня. Люди вовсе не полезли обратно на деревья и не обросли шерстью. Они сохранили все свои достижения и вот уже четвертый век благополучно пользуются ими, поддерживая производство на уровне, необходимом для удовлетворения всех потребностей сегодняшнего общества. Остановилось лишь то, что раньше называли прогрессом. Вид, достигший вершины своего биологического развития, вовсе не катится назад по ступеням эволюции. Динозавры, прежде чем вымереть, и не подумали превратиться в земноводных, рыб или кольчатых червей. Они умерли динозаврами. Если это утешит вас, то могу заверить, что мы тоже умрем людьми.

– Но почему это мы должны умирать?!

– Судите сами. Каждое следующее поколение на несколько процентов малочисленнее предыдущего. Вам не кажется, что, когда вы были маленькой, ваш городок был слегка более многолюдным? – Вельда вздрогнула. – Вот видите. Много ли вы знаете семей с двумя, тремя, четырьмя детьми?

– Но почему, почему?!!

– Когда-то человек был очень слабым животным. У него не было ни когтей, ни зубов, ни рогов. Вместо всего этого, по капризу природы, или по Божьему промыслу, – считайте, как вам угодно, – начал развиваться человеческий мозг, наделяя человека все большей и большей изобретательностью. Изменяя среду вокруг себя человек постепенно стал самым сильным животным на свете. Но внутри человеческого общества продолжали действовать все те же законы. Слабый, больной человек мог наверстать, не упустить свое, только проявляя еще большую изобретательность, чем его более здоровые сверстники. Издавна было замечено, что гениальность каким-то неизвестным образом связана с пограничьем психического здоровья. Неадаптивные, плохо вписывающиеся в жизнь люди писали книги и картины, придумывали облегчающие жизнь машины и новые системы устройства общества. Здоровые и адаптивные с удовольствием пользовались всем этим, и все они, и первые, и вторые, хотели иметь детей, которым можно было бы все это, накопленное или созданное, передать. Не так важно, что это было – деньги или секреты ремесла – то, что СОЗДАНО, в этом ключ к проблеме... Я мог бы говорить на эту тему долго и желчно, но вы и так устали от меня, милая Вельда. Поэтому я буду предельно краток: введя в обиход индекс Мишина-Берга, мы лишили человечество его гениев и талантов и поставили точку на том пути, начало которому было положено в туманной дали тысячелетий, когда некая обезьяна, вместо того, чтобы отрастить себе когти или рога, почему-то вдруг принялась усовершенствовать свой мозг...

– И что же – ничего нельзя сделать? – взволнованно сказала Вельда, сплетая и расплетая пальцы. – Ну давайте опять рожать всех подряд, если это так нужно...

– Пойдите предложите это вашим подругам, – усмехнулся Анри. – Или выступите с этим предложением по одной из визорных программ. Знаете, что с вами случится?

– Нет. А что?

– Вы не доживете до следующего рассвета, – глаза Анри жестко блеснули. – Вы думаете, никто не пытался? Человек охотно и относительно легко меняет плохое на хорошее, но убедить его сделать обратный обмен... Сегодня на земле осталось очень мало людей, которые представляют себе, что такое радость творчества. Для большинства это – пустой звук... Пока на земле были области и страны, менее развитые, чем другие, прогресс все же шел. На жаргоне ученых и предпринимателей это называлось «покупать мозги». Отбирали людей из мало развитых стран, они приезжали в страны развитые, им создавали все условия, и они творили, изобретали, усовершенствовали... Но потом здоровыми и красивыми захотели быть все...

– И что же – сегодня, сейчас никто даже не пытается ничего сделать?

– Пытаются.

– Кто же?

– Мы, – Анри протянул через стол смуглую тонкую руку с раскрытой вверх ладонью. – Вы с нами, Вельда?

Сумерки на берегу лесного озера были наполнены какой-то особой прозрачностью. Запах предосенней свежести и отцветающих купальниц плыл над водой. Проголодавшаяся за день летучая мышь мелькнула на лиловеющем небе двумя расправившими крылья запятыми. Вельда, опираясь на локоть, полулежала на травянистом берегу, Анри, обхватив руками колени, сидел на почерневших от времени, но еще крепких мостках и смотрел на воду. Там, в сумрачной глубине окунь или щуренок гонял серебристых мальков и они, уходя от погони, веером выплескивались над поверхностью.

– За чем вы так внимательно наблюдаете, Анри? – лениво поинтересовалась Вельда, осторожно меняя позу и пытаясь разглядеть что-нибудь на поверхности воды.

– Щуренок гоняет рыбок, – улыбнулся Анри. – Всем известно, что рыбы молчат, но мне кажется, что я так и слышу, как они разбегаются и кричат тоненькими голосками: Ой-ёй-ёй!

– Какой вы забавный, Анри! – Вельда попробовала кокетливо улыбнуться, но тут же сморщилась, прижала ладонь к пояснице.

– Идите сюда, Вельда! – Анри не смотрел в ее сторону, но что-то уловил боковым зрением, и в голосе его появились тревожные нотки. – Трава уже холодная, и вам вовсе незачем разлеживаться на ней.

– Ерунда! – капризно возразила Вельда. – Я всегда любила сидеть на траве.

– Не забывайте о том, что вы сейчас не одна!

– Анри, я не устаю удивляться на вас! – Вельда улыбнулась и погладила заметно округлившийся живот. Потом встала и, слегка переваливаясь, прошла по прогнувшимся под ее тяжестью мосткам. Остановилась вплотную к Анри и сверху вниз смотрела на его черные, беспорядочно лежащие волосы. Даже в сумерках было видно, что в шевелюре Анри немало седых волос. Анри не оборачивался, но Вельда чувствовала его напряжение, которое почему-то тревожило ее. – Почему вы так возитесь со мной?

– Я затащил вас сюда, и потому на мне лежит бремя ответственности, – усмехнулся Анри. – Я должен спросить: не слишком ли вам тяжело здесь... у нас?

– Тяжело? – Вельда задумалась, присела на мостки, поджав под себя ноги. Дерево хранило тепло ушедшего дня. Если прислониться к спине Анри, то сидеть было бы намного удобнее. Сначала Вельда так и хотела сделать, но в последний момент отчего-то передумала, оперлась на отставленную в сторону кисть. – Нет, не тяжело. Непривычно... Много не так...

– Но вы привыкаете? Или в вас копится раздражение? Вам хотелось бы вернуться назад? – голос Анри звучал подчеркнуто ровно, но Вельда с трудно предположимой в ней чуткостью знала, что он очень волнуется, предлагая свои вопросы. – «Бойтся, как бы я не сбегала,» – внутренне усмехнулась она и задумалась над ответом, которого ждал Анри.

Привыкает ли она? Сначала все, абсолютно все на маленькой станции, затерянной в густых европейских лесах, казалось ей чужим и неправильным. Люди, среди которых она чувствовала себя неоправданно высокой и крупной, их странная работа, в которой она не понимала не столько содержания, сколько самой ее сути, их непривычные отношения между собой... Они ходили друг к другу без предупреждения, иногда даже не стучась в дверь, часами разговаривали обо всем на свете, задавали невозможные вопросы и... болели! Это последнее сначала поражало Вельду больше всего и вызывало трудно сдерживаемое желание бежать как можно дальше от лесной лаборатории. Это было так... так неприлично! Они лежали в постелях, сморкались в цветные тряпки, у них болели горла и животы, а дети (которых на станции было довольно много) имели не слишком чистую кожу и при этом, не стесняясь, продолжали играть вместе с другими. Да что дети! Заболевших охотно навещали их друзья, и они принимали их, лежа в кровати!

Вельда видела, не могла не видеть того, что обитатели станции по-доброму относятся к ней, стараются ей помочь. Но она сторонилась их, и долгое время Анри оставался практически единственным, с кем она могла говорить без осознанного напряжения. Сейчас все смягчилось, но все же...

– Анри, я по-прежнему многого не понимаю. Вы объясняли мне, но я, наверное, непроходимо глупа...

– Спрашивайте, Вельда, я отвечу на любые ваши вопросы.

– Что все эти люди... что все вы делаете? Вы говорили, что пытаетесь предотвратить вымирание человечества. Но как? Каким способом? Я до сих пор этого не понимаю.

– Я говорил вам о том, что люди с низким индексом жизнеспособности иногда обладают очень высокой креативностью...

– Чем, чем?

– Способностью к поиску нестандартных решений.

– Решений чего?

– В данном случае нас интересует решение той задачи, о которой мы с вами говорим...

– А о какой задаче мы говорим?

Прежде чем ответить, Анри устало вздохнул, а Вельда прижала ладони к щекам и вдруг громко, по-детски разревелась.

– Я...я кажусь вам такой дурой! И всем здесь!

– Ну что вы... что вы, успокойтесь! Успокойтесь, Вельда! – Анри вначале подскочил на мостках от неожиданности, а потом нерешительно обернулся, обнял женщину за плечи и притянул к себе. Получившаяся конфигурация была максимально неудобной для обоих, но Вельда прижалась щекой к плечу Анри и благодарно засопела. Анри еще раз тяжело вздохнул и замер, опасаясь переменить позу.

– Все...все вы терпите меня только из-за ребенка, – всхлипнула Вельда. – Потому что у него может быть эта ваша креативность... А может и не быть. Вы же сами говорите – иногда. А если нет? Вы говорили про всякие там приспособления, про эволюцию. Не думайте, я могу это понять. Но только у меня есть и свое мнение. И я вам его скажу, хотя вам оно наверняка совершенно не интересно. Больной и слабый человек точно также может быть дураком, как и сильный и здоровый. Мишин и Берг были правы, а вы... вы все ошибаетесь! Вот! – выговорившись, Вельда подняла распухшее от слез лицо и с вызовом взглянула прямо в темные, как озерная вода, глаза Анри. Вдруг показалось, что где-то в глубине мелькнули серебристые искры-мальки. Анри рассмеялся.

– Бедная, бедная девочка! – его горячая ладонь осторожно погладила русые волосы Вельды. – Теперь вы успокоились? Когда вам снова захочется уничтожить меня своим презрением, делайте это не откладывая. Не копите в себе.

– Не смейте смеяться надо мной! – Вельда резко высвободилась из объятий, вскочила на ноги, покачнувшись от слишком быстрого движения. Анри пружинисто вскочил вслед за ней, поддержал за локоть.

– Я очень благодарен вам, – тихо и серьезно сказал он.

– Благодарны? За что?! – опешила Вельда. Резкие повороты в разговоре, на которые Анри был мастер, и сердили и интриговали ее. Иногда ей казалось, что эта особенность – неотъемлемая часть природы Анри, а иногда, что он делает это специально, чтобы скорректировать эмоциональное состояние собеседника. Анри не знал об этих сомнениях молодой женщины, да и вообще не подозревал, что она может думать об этом.

– Ваша жизнелюбивая непосредственность позволяет мне предохранить собственную душу от окончательного засыхания. Я отдыхаю рядом с вами. С вами – сейчас я говорю во множественном числе, имея в виду и вас и вашего ребенка. Моя жизнь кажется весьма насы-

щенной и событийно, и эмоционально, но если присмотреться внимательно, то в ней отсутствует один весьма существенный компонент...

– Какой? – Анри вздрогнул, словно только сейчас заметил само присутствие Вельды, которую он по прежнему аккуратно поддерживал под локоть. Женщина засмеялась. Она чувствовала себя польщенной и обиженной одновременно. Анри говорил, явно не заботясь о том, понимала она его или нет, но в то же время он говорил о ней. Говорил так, как не говорил никто раньше...

Она была нужна Кларку, и Кларк был нужен ей. Они были нужны друг другу, как воздух, пища, солнечный свет. Они никогда не говорили об этом, но знали, что это так. А почему не говорили? (Динозавры не превратились в амфибий... люди не поросли шерстью и не полезли обратно на деревья – вспомнилось вдруг. Какая чепуха!) Но почему, черт побери, не говорили?! Ведь это же так приятно... Как самая утонченная ласка! И она уже никогда не сможет сказать Кларку, как он нужен ей, как она любила его, как она любит их еще неродившегося ребенка, и на что она решилась ради него...

На глаза Вельды снова навернулись слезы.

– Пойдемте домой. Вы устали. Вам надо отдохнуть. Я провожу вас, – от старомодной галантности Анри еще больше защипало в носу. Над лесом поднималась оранжевая, чуть выщербленная в правой верхней четверти Луна. На темной поверхности воды появились расплавленные пятна ее света, похожие на светящиеся блины. У берега, среди корней нерешительно заквакала упустившая свое время лягушка. Словно со стороны увидев две стоящие на мостках черные фигуры, Вельда ощутила неловкость... – Я уложу вас в постель... – Неловкость усилилась. – Заварю вам горячего чая. Вы хотите есть?

– Да, очень! – не удержалась Вельда.

Улыбка Анри не была видна в темноте, но чувствовалась по тону его голоса.

– Я рад, что могу хоть чем-нибудь угодить вам. Пойдемте. Осторожнее! Позвольте мне...

Вельда шмыгнула носом, провела кулаком по верхней губе:

– Надо будет завести цветную тряпку, – мелькнула мысль. – С кем поведешься, от того и наберешься, – вспомнилась старая поговорка. Вельда хотела было сказать ее вслух, поддразнить Анри, но потом отчего-то передумала.

Анри сидел в кресле перед компьютером, но смотрел не на экран, а в раскрытую книгу, лежащую у него на коленях. За соседним столом хрупкая черноволосая Марта перебирала какие-то графики. Высокий, голубоглазый Стоян, похожий на ожившую линейку, возился возле спектрографа. Вельда расположилась в кресле у огромного, во всю стену окна. Никто не обращал на нее внимания. Правда и между собой Марта, Анри и Стоян лишь изредка перебрасывались отрывочными, большей частью непонятными Вельде словами, но все же чувствовалось, что они были вместе. А Вельда – одна, отдельно. Вельде захотелось заплакать, или хотя бы запустить чем-нибудь в экран компьютера и порвать в клочки Мартины графики. Она стиснула зубы и отвернулась к окну.

Лаборатория находилась на третьем, последнем этаже рабочего корпуса, и из окна была видна почти вся территория станции, с трех сторон окруженная лесом. С четвертой стороны раскинулось озеро. За ним поднимались зимние холмы, усыпанные снегом и поросшие огромными елями, которые издали казались похожими на островки поставленных стоймя обгорелых спичек. Сама станция состояла из трех жилых корпусов, детского городка, рабочего корпуса и электростанции. Жилые дома были двухэтажными и вытянутыми в длину, рабочий корпус имел три этажа и походил на равноплечую букву Г, а здания детского городка и электростанции были равны по длине, ширине и высоте. Если смотреть на станцию сверху, то казалось, будто какой-то очень большой ребенок рассыпал на берегу пригоршню кубиков. Имелись еще теплицы, в которых жители станции выращивали зимой цветы, зелень и ягоды, и примыкающая к ним конюшня, в которой жили три лошади, две дойные коровы и коза Вера,

дойная только теоретически. Ежедневная дойка Веры заменяла жителям станции корриду – традиционное развлечение древних испанцев. В излучине буквы Г, прямо под окнами лаборатории красовался неработающий по зимнему времени фонтан, окруженный фигурно подстриженными кустами и деревьями. Все вместе выглядело очень милым и пасторально тихим. Однако за несколько месяцев пребывания на станции Вельда уже успела убедиться в обманчивости этой тишины и отчасти поэтому сдерживала сейчас свои капризные порывы. Внешне почти неотличимая, по своему внутреннему наполнению жизнь станции очень отличалась от жизни родного городка Вельды.

Особенно очевидным это сделалось однажды ночью, два месяца назад.

Вельда проснулась от каких-то посторонних звуков в общем коридоре жилого корпуса еще до того, как кто-то постучал к ней в дверь.

– Вельда, открой!

И по голосу, а спустя несколько мгновений и по виду Вельда с трудом узнала Хельгу, высокую, слегка чопорную даму средних лет. Нечесанные волосы, надетый наизнанку свитер...

– Боже мой, Хельга! Что случилось?!!

– Вельда, прошу тебя! Тебе нельзя волноваться... Быстро одевайся, потеплее, с собой возьми что-нибудь попить. Сейчас уходим...

– Куда уходим? Почему?!

– Прошу тебя! Все вопросы – потом. У меня нет детей, поэтому ты идешь со мной. Делай то же самое, что и я. Все будет хорошо. Поторопись.

Станцию покинули задолго до рассвета. Больше всего Вельду поразило поведение детей. Дисциплинированно построившись парами и поместив в середину колонны самых маленьких, они бодро шагали вперед, приглушенно переговариваясь и лишь иногда возбужденно подхихкивая. Отдельной группой шли матери с младенцами и старшие подростки, которые несли вещи малышам в одинаковых, словно по заказу сшитых заплечных котомках. Руководили эвакуацией Анри и еще двое мужчин.

Увидев Анри, Вельда кинулась было к нему, надеясь на объяснение происходящего. Но, как и в случае с Хельгой, с трудом узнала его. Суровое, отчужденное лицо, мучительно сведенные брови... Увидев ее, Анри поднял руку в отстраняющем жесте, прикусил губу. Не сказав ни слова, Вельда медленно отошла назад, скрылась в группе станционных женщин, в походную задачу которых не входил присмотр за детьми. Она понимает – Анри сейчас не до того, чтобы что-то объяснять перепуганной беременной женщине, поднятой с постели посреди ночи... Некоторое время она украдкой наблюдала за ним: он отдавал какие-то распоряжения, отвечал на чьи-то вопросы, по его приказу четверо молодых мужчин передали другим свои вещи, резко ускорили шаг, почти перейдя на бег, и скрылись в холодной осенней темноте, предваряя путь отряда... Анри знает, что происходит, и знает, что делать – от этой мысли Вельде стало легче, и она снова сосредоточилась на дороге, стараясь не споткнуться на лесной сумеречной тропе. К счастью, у Вельды была хорошая координация и в несилых видах спорта она всегда опережала Кларка...

– Вельда, тебе нельзя падать... Может быть, дать фонарик? – спросила сбоку одна из женщин.

– А они есть? Почему тогда никто ими не пользуется? – Вельда сама удивилась скорости, с которой проявилось и начало работать в ней чувство опасности.

– Пользуются. Те, кто идет впереди. Много света могут заметить. Но у тебя – особый случай...

– Спасибо. Я обойдусь. Я хорошо чувствую дорогу. И в случае чего – умею падать. Я занималась планеризмом... – Вельде не хотелось оставаться одной. Ее почти невидимая в темноте собеседница поняла это.

– Летом ты уже сможешь прыгать с холмов за озером. Там есть отличные места, а у нас есть любители. Я сама предпочитаю серфы...

– А куда мы идем?

– Я думаю, в мышинные пещеры. Там всегда можно отсидеться, и места хватит для всех. Да и костер там можно развести... Знаешь, если приготовить на костре, все такое вкусное... Я больше всего люблю печеные яблоки. Я прихватила несколько штук. На всех не хватит, конечно, но ты подойди ко мне потом, когда будет костер, тебе я обязательно дам попробовать. Беременные должны себя баловать. А сколько у тебя сейчас недель?

– Двадцать шесть, – Вельде казалось, что она сходит с ума. Ночное бегство, печеные яблоки, дисциплинированные младенцы, бешеные глаза Анри... Украдкой от ночной собеседницы она наклонилась и укусила себя за запястье. Ничего не произошло.

– Хорошо, – одобрила любительница серфов и печеных яблок. – К родам уж точно все утрясется... Отстроим, покрасим... Ты только сейчас смотри осторожней. И не волнуйся... Ты куда пошел?! – неожиданно женщина метнулась в сторону от тропы. Вельда успела заметить щуплую фигурку и услышать тоненький голосок: «Я пописать...». Колонна вместе с Вельдой двинулась дальше, женщина и ребенок отстали.

На ходу Вельда стиснула руками виски. Голова раскалывалась. Ноги заплетались и уже не чувствовали тропу. Где-то между ветвей выпутывался наружу выморочный осенний рассвет.

– Кларк! – шепотом позвала Вельда. – Кларк, ты меня слышишь? Ты всегда говорил, что я сильная. Так вот: ты был прав. И я рожу нашего ребенка, даже если мне придется рожать его в этих дурацких мышинных пещерах! И он будет жить! И у него обязательно будет эта самая креативность! И я разберусь с этими сумасшедшими, которые по ночам с младенцами ходят в походы с кострами и печеными яблоками. И если в этом хоть что-то есть, я буду работать вместе с ними, чтобы у нашего ребенка тоже были дети, и у их детей еще дети, а у тех детей... – пошатнувшись, Вельда споткнулась о выступающий корень и уже почти ахнулась навзничь, но в последний миг тренированное тело извернулось, сложилось пополам, выставило локоть...

Кто-то бережно поддерживал ее с двух сторон, и она почти висела, с благодарностью и стыдом ощущая тепло и силу дружеских рук.

– Беременной, Вельде плохо, – предавали кругом негромкие голоса. – Носилки надо...

– Ничего не надо, – Вельда встряхнула русыми непричесанными волосами, выпрямилась во весь свой немалый рост. – Спасибо. Мне уже лучше...

– Вельда! Что?! – откуда-то из бледной полутьмы протиснулся Анри, черный, всклокоченный, в черных брюках и свитере, похожий на кляксу на рыхлом мартовском снегу.

– Ага! Заметил! – на мгновение восторжествовала Вельда и тут же стало стыдно, неловко за свое несвоевременное торжество. – Ничего, Анри, все в порядке. Не беспокойтесь. Я никого не задержу.

– Хорошо! – Анри ушел, растаял слишком поспешно, вновь оживив обиду.

– Вы действительно можете сами идти? – микробиолог Квач, седоволосый, но еще очень видный мужчина.

– Да, спасибо. Если меня отпустят, я с удовольствием продемонстрирую свои возможности.

– Хорошо, – Квач улыбнулся с явным облегчением. – Если вы шутите, значит, все и в самом деле в порядке. Но не торопитесь. Сами выбирайте темп. Если что, мы подстроимся. Или в самом деле организуем носилки.

Пещера и вправду оказалась очень большой и носила явные следы недавнего пребывания в ней людей. У стен лежали поролоновые тюфяки, в нише стоял большой котел, рядом стопка мисок. Справа от входа сложены дрова.

Вельде предоставили самый сухой тюфяк в непосредственной близости от костра. Стараясь не привлекать ничьего внимания и почему-то мучаясь мыслью о печеном яблоке (как же

ей теперь узнать, у кого его попросить?), она осторожно отползла к стене вместе с тюфяком. Крошечный малыш на толстых коротких ножках подошел к ней и сверху вниз посмотрел на лежащую женщину. Слегка покачиваясь от усилий, он вытащил из-за пояса свой рожок с соком и протянул Вельде.

– На, тетя Вельда, – на удивление чисто сказал он.

– Ну что ты, маленький, спасибо, пей сам! – удивилась Вельда.

– Нет, на, – малыш упрямо помотал головой. – Твоя лялечка, которая в животе, пить хочет. Ей дай, – он положил рожок на тюфяк, и не оглядываясь, пошел обратно, к костру. Вельда спрятала лицо в сгиб локтя и заплакала. Среди освещенных живым огнем лиц ей не раз и не два мерещилось чеканное лицо Кларка. Анри нигде не было видно. По-видимому, его не было в пещере.

В пещере провели чуть больше суток. Ребятишки играли, носились, прыгали через костер, размахивали зажженными ветками и ловко увертывались от щедрых на подзатыльники (искры в глаза попадут!) старших. Женщины варили что-то в котле, раздавали хлеб и простоквашу. (Ее-то как унесли?! – поражалась Вельда). Вельда почти все время спала, ни у кого ничего не спрашивала, и разговаривала лишь с давешним толстоногим малышом, который появился снова и на этот раз принес обещанное печеное яблоко.

– Может ты сам хочешь? – спросила его Вельда. – Или поделимся?

Малыш долго думал, потом сунул в рот палец и сказал невнятно, но убедительно:

– Не-а. Не хотю. Оно гоелое. Я не гоелое люблю.

У Вельды возникла дикая мысль: попросить у рассудительного малыша объяснения происходящему, но она сдержалась.

К концу дня вернулся Анри, озабоченный, но почти спокойный.

Обратно шли посветлу, но путь, на удивление, оказался длиннее. На подходе к станции Вельда уже совсем уговорила себя, что все, в чем она принимала участие на протяжении предидущих двух суток – это какая-то традиционная игра обитателей станции, может быть, ритуал, как-нибудь связанный со спецификой их работы. Когда все успокоится, Анри обязательно объяснит ей...

Последние деревья расступились перед возвращающейся колонной и... Вельда зажала руками рот, чтобы не закричать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.